

последствиям приведет это «внешкольное» обучение граждан, еще неизвестно, но что яд этой атмосферы действует на людей — несомненно». Между тем для правительства именно расширение мест заключения стало основным способом решения социальных конфликтов. Два разных мировоззрения столкнулись в этой «тюремной истории», и их непримиримость очевидна.

Личность Д. Тахчогло высветила еще один аспект политической истории России. Она показала такой характер революционных лидеров, такую бескомпромиссность, жертвенность и жесткость, что становится очевидным: в столкновении с этой силой императорская Россия, как и республиканская — февраля 1917 г., была обречена. Тюремь не только оказались бессильны сломить революционный дух, а наоборот, его закаляли. Революционное мировоззрение требовало практического выхода, что в конечном итоге и произошло в октябре 1917 года.

Н. А. Жукова

«ПОЛИТИЧЕСКОГО БРОЖЕНИЯ НЕ ЗАМЕТНО...»

(Тобольская губерния глазами полицейских исправников)

Российская империя в начале XX столетия в политическом отношении напоминала огромный пчелиный рой. Раздираемое противоречиями общество только чисто внешне напоминало целостный организм. Стоило поднести к этому жужжащему клубку палку, как, несмотря на отчаянное противодействие власти, рой взрывался — революциями 1905–1907 гг. и 1917 года. Более спокойной в данном отношении оставалась сибирская глубинка, но и здесь готовилась почва для массового недовольства, в результате которого 300-летняя романовская монархия рухнула и в этом захолустье в одночасье, не встретив никакого сочувствия у сибиряков.

В провинции за благонадежностью и настроением населения издавна тщательно следила местная администрация. «Глазами» и «ушами» начальников губерний были уездные полицейские исправники. Они-то и собирали информацию с подведомственных им территорий для составления ежегодных губернаторских обзоров общественно-политической жизни российских городов и уездов. Все обзоры под грифами «доверительно» либо «секретно» стекались в конечном итоге в Министерство внутренних дел для анализа и дальнейших действий правительства.

Тобольская полицейская и основанная на ней губернаторская «политическая аналитика» представляет собой любопытнейшие документы эпохи. Но интересны они не только и не столько анализом состояния провинциального рос-

Ишим
Богоявленский собор

Тобольск

ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

на оброк; определил размеры государева денежного, хлебного и соляного жалования для всех служилых людей «по прибору» и заменил хлебный оклад пашней для тех из них, кто ею владел; установил точный размер ясака и т. д.

После возвращения в Москву получил за сиб. службу в награду от царя серебряный золоченый кубок и соболю шубу, прибавку к жалованию в 50 руб. и вотчины в Рязани,

Н. Новгороде и Ростове. В к. 1620-х и в 1630-е возглавлял ряд приказов: Раз-

сийского общества и живописными подробностями общественного быта сибиряков, хотя некоторым чиновникам нельзя отказать и в наблюдательности, и в понимании настроений и мотивов поведения местных «политиков». Куда более значимой и весьма симптоматичной чертой полицейских писаний представляется отчетливо видимая почти за каждой строкой самоуспокоенность и расслабленность представителей власти, их неспособность вполне адекватно оценить реалии сибирской общественной жизни. В отчетах присутствуют многочисленные сентенции о «вредном влиянии» на местное население факторов преимущественно внешних — политической ссылки и пропаганды социалистов и либералов. А вот собственные «болевы точки» тобольского общества местные бюрократы правильно определить не смогли. Они явно недооценили существующую уже в этом, как многим из них казалось, патриархальном, сонном и относительно благополучном крае возможность для действий революционных сил, которые вскоре не просто всколыхнут, а трагически расколют привычный сибирский мир и втянут его в непримиримую классовую борьбу, сделают спокойных обывателей деятельными участниками «великого социального эксперимента».

Как следовало из отчета тобольского губернатора Д. Ф. Гагмана, подготовленного на основе докладов исправников еще в мирном 1910 г., губерния представляла собой глухую провинцию, почти лишенную условий, «обеспечивавших обыденные насущные потребности жизни, не говоря уже о потребностях духовных и культурных». «Неудобства жизни» в крае складывались, по мнению губернатора, в основном из громадности его территории и труднопреодолимых расстояний и состояли в отсутствии своевременной врачебной помощи и в дороговизне предметов первой необходимости¹. Небольшое исключение составлял южный район губернии, находившийся «под влиянием железной дороги», которая, впрочем, доставляла местному начальству некоторые неудобства (собрания рабочих, распространение нелегальной литературы и т. д.). Главную причину «политической осведомленности» населения юга, которому еще несколько лет назад была чужда всякая политика, Д. Ф. Гагман усматривал в дурном выполнении чинами местной полиции своих функций. По словам начальника губернии, полицейские не следили за настроением населения, мало интересовались «неблагонадежными» лицами даже среди служащих, не доносили в нужных случаях, «многие были совершенно незнакомы со своими обязанностями и почти все относились к своему делу формально»².

Особенно тревожил губернатора тот факт, что губерния продолжала оставаться местом ссылки уголовных преступников, а «с конца 1905 г. стала также территорией усиленной высылки под надзор полиции из Европейской России лиц, вредных в политическом отношении»³. Как считал Д. Ф. Гагман, под влияние последних попадали, прежде всего, «неокрепшие, неустроенные и часто недовольные своим положением новоселы». Губернатор

¹ ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 23. Д. 240. Л. 11.

² Там же. Л. 17.

³ Всего административно высланных к 1 января 1910 г. в губернии насчитывалось 1600 человек, при которых находилось 409 членов их семей (жены, дети) (ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 23. Д. 240. Л. 25).

просил помощи в усилении полиции и выражал опасение, что в противном случае край, «обильный природными богатствами, которому суждена выдающаяся роль в разрешении наиболее насущного аграрного вопроса, будет испорчен окончательно». Ссылные, добавлял он, влияли на население не только в политическом отношении, они «развращали местные брачные устои, так как сожительствовали без брака»⁴.

Характеризуя состояние городов губернии, губернатор из всех уездных центров выделял только Тюмень и Курган, которые постоянно развивались в экономическом и культурном отношении благодаря своему расположению у линий железной дороги. Остальные населенные пункты, невыгодно отличавшиеся к тому же ограниченным бюджетом, представляли собой глухие захолустья: улицы не мощены, освещение слабое, санитарные условия оставляли желать лучшего, о «более культурных потребностях» не было и речи. В упадок приходил и Тобольск, некогда столица Сибири. Город поддерживался лишь из-за наличия в нем правительственных учреждений⁵.

Особенно активно Министерство внутренних дел зондировало «общественную почву» в губерниях в годы Первой мировой войны. Соответствующая информация поступала в центр обычно в конце года или в начале следующего, вместе с официальными всеподданнейшими отчетами начальников губерний. Однако летом 1916 г., т. е. фактически в преддверии февральской революции, эта традиция была нарушена. Министерство досрочно запросило у губернаторов сведения о том, на кого можно было опереться правительству в провинции, кто был ненадежен, обосновав свое нетерпение и интерес тем, что «события последнего времени выдвинули... вопрос об общественно-политическом движении» на первое место. Чиновников министерства интересовало, что в этом движении являлось «действительно живым, вызванным самою жизнью и требовавшим поэтому законодательного и административного разрешения, и что, напротив, имело наносной искусственно привитый характер». Как и прежде, министерству был необходим доклад о наличии в губерниях политических партий, обслуживавшей их печати и лиц, способных поддержать на месте политику правительства. Собранные губернатором сведения «по своей строгой объективности» должны были служить «основой для установления нормальных взаимоотношений между органами власти и обществом на почве правильного понимания запросов текущей жизни»⁶. Всю необходимую информацию по поручению тобольского губернатора Н. А. Ордовского-Танаевского вновь собирали уездные исправники⁷. В конце августа они предоставили свои отчеты.

Исправник Тюменского уезда Н. Е. Скатов докладывал, что ни в Тюмени, ни в уезде политических партий не существует. Однако многие отдельные лица (бывший поднадзорный врач Купенский, присяжный поверенный Вальберг, член городской продовольственной комиссии, заместитель председателя Союза

Тюмень

ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

бойный (1628–30 и 1633–36), Сбора даточных людей (1633–35 и 1637), Сыскные (1626, 1628–30). В 1630–32 и в 1637–39 был воеводой в Новгороде Похоронен в Симоновом монастыре. Лит.: Бахрушин С. В. Воеводы Тобольского разряда в XVII в. // Науч. труды. Т. III. Ч. 3. С. 265–273; Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и об-во. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 109–110; Власть в Сибири XVI – нач. XX в.: Межархивный справочник. Новосибирск, 2002. С. 165–166.
В. В. Коновалов

⁴ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 23. Д. 240. Л. 28.

⁵Там же. Л. 116.

⁶ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 29. Д. 285. Л. 1.

⁷Там же. Л. 2–3.

Вид Тобольска

ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

16. бояр. кн. **Трубецкой Дмитрий Тимофеевич** (1625–1628), **Трубецкой Дмитрий Тимофеевич** (ок. 1570–1625), тобольский воевода в 1625. В 1604 — стольник царевича Федора Борисовича, выставил 25 всадников в поход против самозванца. В чине стольника состоял и в начале царствования Шуйского. Из Москвы одним из первых «отъехал» в Тушино, где получил боярское звание, возглавил Думу и стал одним из предводителей казачества; за самозванцем последовал и в Калугу. После гибели Лжедмитрия II знатный князь со своими отрядами присоединился к земскому

уральскими коллегами. Все эти лица попали в его «черный список» вследствие участия или готовности к участию в общественных делах противоправительственного свойства. Исправник был уверен, что в случае начала в стране политического движения данная категория граждан приняла бы в нем «самое активное, горячее участие и сыграла серьезную вредную роль для правительства»⁸. Поддержку государственной власти, по его мнению (оказавшемуся безосновательным), могли оказать городской голова Никольский, помощник акцизного надзирателя Смирнов, товарищ прокурора Полуботко, страховой агент Рогозинский. По словам тюменского исправника, эти люди могли действовать отрезвляюще на окружающих, «подходить к разного рода положениям с более серьезной, деловой стороны». Впрочем, большинство должностных лиц не выражало определенного отношения к политическим вопросам, а лишь выполняло свои служебные обязанности. В городе были лица и с «твердыми, вполне согласными с правительством убеждениями, но они ничем в этом отношении себя не проявляли», и определить их роль на случай движения Скатову не удалось. Он предполагал, что в случае возникновения общественного движения больше бы оказалось «подражателей — из страха и нежелания показать себя отсталыми или... в положении зрителей»⁹. Что касалось уездного духовенства, то оно, за редким исключением, не принимало в местной жизни никакого участия. А сельское население уезда, будучи исключительно крестьянским и при почти полном отсутствии в уезде интеллигенции, было чуждо каких-либо политических течений¹⁰.

Скатов считал, что вопросы местной жизни всех слоев общества «без различия групп и лиц» обслуживали тюменские газеты «Ермак» и «Сибирская торговая газета». Из столичных наиболее распространенными в городе и уезде были издания проправительственного или либерального направлений — «Русское слово», «Русские ведомости», «Речь», «Биржевые ведомости», «Копейка».

⁸ Там же. Л. 7.

⁹ Там же. Л. 8.

¹⁰ Там же. Л. 8.

Более содержательным и полным можно считать отчет курганского уездного исправника М. Иконникова — целых 15 страниц¹¹. Чиновник делил жизнь в Кургане на три периода: до октября 1905 г.; с октября 1905 г. по июль 1914 г.; с начала войны до момента составления им отчета.

Как отмечал М. Иконников, до октября 1905 г. жизнь в г. Кургане была спокойной, тихой и монотонной, население существовало мелкими провинциальными интересами, не выходящими из ряда обыкновенных житейских новостей, сплетен и прочего. Когда в октябре 1905 г. российское общество всколыхнулось, произошли резкие изменения и в глубинке. Местное общество начало делиться на группы, не представлявшие собой ничего политически определенного. Тем не менее, деление во взглядах стало заметным. Образовались «так называемые правые, левые, либералы». Курганцы стали интересоваться общественной жизнью. Появились различные организации и деятели. Жизнь колебалась с уходом или появлением новых сил, но резких изменений не было. Часть интеллигенции имела более или менее либеральные воззрения (кадетские). К этой группе относились некоторые молодые купцы, большинство приказчиков, служащие Союза сибирских маслодельных артелей (ССМА), банковские деятели, группа лиц из местного отдела Московского общества сельского хозяйства, «кучка» гласных городской Думы, некоторые биржевые деятели, врачи. Они не имели определенной выработанной программы, поэтому (каждый в отдельности) «уклонялись в правую или левую стороны».

В 1907–1914 гг. пробудившееся от монотонности общество существовало созидательной жизнью. Наиболее популярная в Кургане часть гласных, за исключением городского головы, придерживавшегося правых позиций, состояла из лиц либерального направления. Но говорили они в основном не «по убеждению», а только для того, чтобы казаться «передовыми», «примкнутыми к левым», чтобы не установить за собой репутации «отставших», поскольку оппозиционность стала «модной»¹². Если же дело касалось их собственных интересов, например прибыли, то вся эта «модность» взглядов вместе с либеральностью пропадала». Когда возникала любая возможность пополнить свой кошелек, «либеральные» предприниматели и чиновники делали и требовали то, о чем даже самые «правые люди и не подумали бы, большинство меняли взгляды как флюгера, где им выгоднее».

Вторым после городской Думы по значимости курганским сообществом, по мнению Иконникова, был Союз сибирских маслодельных артелей (150 служащих). Дирекция ССМА состояла из председателя А. А. Балакшина и двух членов — А. И. Грудзинского и И. В. Майорова. Все трое, как считал исправник, хотя и не совершали ничего предосудительного с точки зрения закона, «с тенденцией проводили в жизнь наряду с кооперативными делами свои кадетские идеи, что было несложно благодаря целой сети раскинутых по уезду — в селениях и деревнях — мас-

ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

 ополчению, сделавшись, наряду с П. П. Ляпуновым и И. М. Заруцким, его вождем. «Подмосковные полки», среди руководителей которых был Д. Т. Трубецкой, в течение полутора лет осаждали занятую польско-литовскими войсками столицу России. Весной 1612 вынужденно присягнул Лжедмитрию III, но вскоре при посредничестве властей Троице-Сергиева монастыря обратился к Д. М. Пожарскому и К. Минину с просьбой поспешить на выручку Москве. С лета 1612, после ухода войск И. М. Заруцкого на Рязанщину, остался единственным предводителем Первого ополчения, часть которого вместе с нижегородской ратью нанесла поражение гетману К. Ходкевичу. Осенью 1612, объединившись, оба ополчения освободили Москву от интервентов. В январе 1613 от Земского собора боярин получил жалованную грамоту на Вагу, но вынужден был расстаться с надеждой занять царский престол. На коронации Михаила Федоровича нес скипетр; тогда вступил в местнический спор

¹¹ Там же. Л. 20–35.

¹² Там же. Л. 22.

ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

с дядей царя И. Н. Романовым. В 1614, посланный освободить Новгород от шведов, был вытеснен ими из Бронниц, во время отступления к Торжку войско Д. Т. Трубецкого распалось. В 1619 встречал вернувшегося на родину Филарета, затем «разбирал» дворян и детей боярских в Ярославле. Владел унаследованными от отца вотчинами в Трубчевске и Рязани (в 1613 за ним числилось 1996 четвертей). Умер в Тобольске через месяц после прибытия на воеводство, назначение куда обычно считается почетной ссылкой. Погребен в Троице-Сергиевом монастыре, вкладчиком которого являлся. Лит.:

лодельных заводов и кооперативных лавок». Балакшин, Грудзинский и Майоров пользовались большой популярностью как в Кургане, так и в уезде — среди крестьян. Исправник отмечал, что многие служащие ССМА были неблагонадежны в политическом отношении. Некоторые из них ранее отбывали срок за противоправительственные действия. Они «проводили идеи осторожно, но имели растлевающее действие на крестьянскую среду, создававшее кадры крестьян с взглядами не в пользу правительства»¹³. Печатный орган Союза — «Народная газета» — в случае необходимости мог служить ССМА для проведения этих идей, но во время войны он принял «весьма лояльный облик». Кроме публикаций военного характера, технически специальных, касавшихся масляного дела, крестьянского быта и труда, других статей в нем не печаталось. В годы войны Союз, по оценке исправника, был в политическом отношении «вполне спокоен», занимался большими заказами по заготовкам для нужд армии и старался выполнять их в точности и аккуратно.

Заместителем председателя третьего по своему влиянию общества — курганского отдела МОСХ — был издатель другого печатного органа — беспартийный В. Ф. Сокульский. В организацию также входили Г. В. Корсаков, М. Ф. Врачинский, И. А. Михайлов. Последний из них, по мнению Иконникова, по своим взглядам находился ближе к кадетам. Гласный городской Думы Г. В. Корсаков пользовался большой популярностью и был «левее кадетов». «Боясь наказания», указанные лица «проводили свои взгляды аккуратно», но «в то же время постоянно нарушая мировоззрение населения на правительственную власть и государственный строй». Впрочем, в военные годы общество сельского хозяйства «было спокойно и помогало крестьянам путем ходатайства семян и т. д.». Тем не менее, курганский исправник был уверен, что в случае подъема в стране общественного движения организация приняла бы в нем участие во главе с ее руководством, которое стало бы «вдохновителем и душой толпы»¹⁴. М. Ф. Врачинский — поляк по происхождению, бывший заключенный, фельдшер и гласный Думы — являлся председателем скромного Общества правильной охоты в г. Кургане. Он принимал участие в различных собраниях и заседаниях, к его голосу прислушивались¹⁵. Кадетскими идеями, по словам исправника, интересовалось и «Общество приказчиков и потребителей», не популярное, правда, в своей среде.

Ялуторовск. 1912

¹³ Там же. Л. 23.

¹⁴ Там же. Л. 23 об.

¹⁵ Там же. Л. 25.

Социал-демократ И. А. Еллинск — «энергичный, умный и хитрый» — возглавлял Курганское отделение Сибирского банка. Остальными участниками местной биржи являлись купцы, наживавшие барыши на войне, но «в политическом отношении ничего не значившие».

Неприятностей для правительства следовало ожидать и со стороны «Общества попечения об учащих» в начальных училищах Кургана. Его председатель И. Е. Рагозин — бывший присяжный поверенный — по взглядам больше подходил к кадетам. «За свои убеждения... он был под судом, во время движения 1905 г. принимал горячее участие и затем в период до войны занимал активную позицию в обществе, пользуясь среди своих единомышленников популярностью, держал себя в оппозиции с правительственной властью»¹⁶. Товарищ председателя, крещеный еврей врач А. С. Шапиро был близок к И. Е. Рагозину, но «отличался большей осторожностью и в первую очередь заботился «о своих материальных взглядах». В случае движения примкнул бы к левым».

Среди отдельных личностей, упомянутых в отчете курганского исправника, значился купец А. И. Кочешев¹⁷, названный им «передовым человеком, мало разделявшим взгляды правительства». Но во время войны, как отмечал чиновник, Кочешев вместе с некоторыми другими купцами занимался «исключительно наживой»¹⁸.

Свои политические характеристики представителей местного общества М. Иконников относил в основном к довоенному периоду, считая, что «во время войны определить партийность нельзя, т. к. общественная жизнь ничем не проявлялась... все заняты войной». Людей в условиях войны, по его убеждению, волновала не политика, а «нестерпимая дороговизна жизни и обесценивание кредитных знаков». Большинство курганцев, подчеркивал он, в отношении политической ситуации в стране рассуждали так: «не мое дело», «моя хата с краю»¹⁹. Даже железнодорожные служащие курганской станции, которые являлись в 1905 г. «зачинщиками всеобщей забастовки и подстрекали к этому горожан», во время войны вели себя «примерно, будучи удовлетворены прибавками жалованья». Рабочие существовавших в Кургане заводов «ввиду хорошо оплачиваемого труда» также «не держали себя вызывающе», хотя с ними, признавал чиновник, все же приходилось быть все время «на стреме». Духовенство не принимало участия в местной общественной жизни, но протоиереи Редькин и Богословский все же пользовались популярностью у населения²⁰.

В целом общественно-политическая ситуация в Курганском уезде, по убеждению исправника, была достаточно благоприятной для правительства. Беспокойная молодежь ушла на войну, а оставшиеся дома старики и женщины думали лишь о скорейшем окончании кровопролития²¹. Выдающихся общественных деятелей, как считал Иконников, в уезде не было, а наблюдавшие-

ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

Забелин И. Минин и Пожарский: Прямые и кривые в Смутное Время. М., 1883; Сказания о роде князей Трубецких / Изд. княгини Е. Э. Трубецкой. М., 1891; Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. СПб., 1899; Любомиров П. Г. Очерк истории нижегородского ополчения 1611–1613 гг. Переизд. М., 1939; Долинин Н. П. Подмосковные полки (казацкие «таборы») в национально-освободительном движении 1611–1612 гг. Харьков, 1958; Станиславский А. Л. Гражд. война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990.
Я. Г. Солодкин

¹⁶ Там же. Л. 25.

¹⁷ А. И. Кочешев выпускал газету «Курганские известия».

¹⁸ Там же. Л. 26.

¹⁹ Там же. Л. 31.

²⁰ Там же. Л. 32.

²¹ Там же. Л. 34.

Вид Тобольска

ТОБОЛЬСКИЕ
ВОЕВОДЫ

17. ст. кн. **Трубецкой Алексей Никитич** (1628–1631), **Трубецкой Алексей Никитич** (ок. 1601–1662/63), князь, боярин (1645), тобольский воевода (1628–31), судья Сиб. приказа (1645/46–1662/63). Из древнего княжеского рода, Гедиминович. Начал службу на государевом дворе в 1618 стольником. Регулярно приглашался к царским столам, участвовал в посольских приемах и др. придворных церемониях, присутствовал на свадьбах царя Михаила Федоровича. В 1628 назначен тобольским воеводой. Активно занимался вопросами рус. заселения края и его земельнического освоения, способствовал «приисканию новых ясачных людей» и «новых земель», поставил в Тобольском и Тарском у. 5 новых острогов для «оберегания от воин»

ся «доморощенные деревенские ораторы-крикуны — были бесцветны, беспартийны» и ничего собой не представляли. Некоторое беспокойство у исправника вызывало лишь

то, что пока еще инертная крестьянская масса постепенно «теряла свой облик прежних традиций и год от года смотрела подозрительнее и с недоверием к власти».

По словам Иконникова, в Кургане не было партийной печати. Газета «Известия Курганского городского общественного управления» печатала лишь статьи по местному хозяйству; «Народная газета» и «Справочный листок по молочному хозяйству, скотоводству и артельному маслоделанию» — специально-технические материалы. Оба издания статей политического характера старались избегать. В городе выписывались «Речь», «День», «Русское слово», «Биржевые ведомости» и другие газеты официального и либерального направлений.

Ишимский уездный исправник П. В. Ламанский докладывал губернатору, что на подведомственной ему территории «сплотившихся» политических партий не существовало. При этом он отмечал, что общества, связанные между собой условиями кооперации, были настроены более либерально, чем другие коммерческие организации, но главным руководящим принципом их деятельности оставался «только коммерческий расчет». У чиновника не было случаев изъятия нелегальной литературы у населения, а на основе легальных изданий, которые читаются местной публикой «без всякой исключительной тенденции», он не считал возможным делать «каких-либо конкретных резюме о предпочтении интересов тех или иных слоев». «Никак нельзя сделать определенного вывода, — писал Ламанский, — что чтение «Русского слова» знаменует собою в читателе яркого либерала, а «Нового времени» — определенного консерватора»²². Исправник полагал, что общее настроение в уезде было «в высшей степени патриотическое», без тех «нежелательных особенностей», которые он наблюдал в русско-японскую войну, и «общее желание» сводилось «к обеспечению победы без всяких видов на достижение благополучия в зависимости от условий мира». В случае возникновения в государстве «общего брожения» монархия, по мнению чиновника, нашла бы полную поддержку у местных представителей власти, духовенства и учительского персонала, состоявшего в основном из лиц женского пола, «консервативный патриотический образ мысли которых не мог быть поколеблен влиянием отдельных учителей из сво-

²² Там же. Л. 13.

бодомыслящих». Правда, замечал он, не все чиновники пользуются у населения должным уважением: «Когда общественная мысль бродит, как показал пример пресловутого освободительного движения 1905-06 гг., личные счеты сводятся именно с такими нетактичными правительственными агентами, которые своими действиями возбуждают население без всяких видимых поводов». Ламанский полагал, что общее настроение в уезде настолько благонадежно, что выступить с антиправительственной пропагандой политического характера с надеждой на сочувствие здесь было бы «по меньшей мере безрассудно»²³.

Из отчета туринского исправника И. Мельникова следовало, что в 1916 г. «политических партий в полном смысле этого слова» не было ни в городе, ни в уезде, но «единомышленники социал-демократов, трудовиков и левых — наблюдались». Чиновник насчитал несколько десятков социал-демократов. Трудовиков было меньше, а сочувствовавшие задачам более левых партий встречались вообще крайне редко. Правда, и лиц, открыто принадлежавшим к правым партиям, было немного, т. к. «все более энергичные люди, зараженные социальными идеями и переустройством государственного порядка управления, считали себя друзьями народа и врагам правительства»²⁴, а духовенство редко проводило патриотические проповеди. Городские жители и часть сельской интеллигенции «прониклась учением социал-демократизма» от выславшихся в Туринский уезд в 1905–1911 гг. целыми сотнями под гласный надзор полиции «так называемых политиков». Хотя приверженцы данных идей и не проявляли активности, но успели дать из своей среды представителя в Государственную Думу — трудовика М. С. Рысева — крестьянина городской волости «как избранника от крестьян», что, впрочем, по мнению исправника, не могло служить показателем настроения сельского населения. М. С. Рысев служил волостным старшиной, затем — городским старостой. О причинах победы на выборах этого депутата чиновник писал следующее: «Он пользовался доверием лиц, принадлежавших к прогрессивным партиям, а также и крестьян, большинство из которых, по своей безграмотности и политической неосведомленности, не могло разобраться и дать себе отчет в том, что для них ближе подходит — благожелательное или оппозиционное отношение к правительству»²⁵.

Мельников сообщал об активности еще нескольких местных лиц, выделив среди них туринского мещанина В. И. Туголукова — друга Рысева, человека малогра-

ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

ских всяких людей». Организовал в 1629/30 поход против тарских татар — «государевых изменников». Значит, увеличил окладные и неокладные денежные доходы казны, сбор «соболиной и всякой мелкой рухляди» в Сибири. За успешную тобольскую службу в 1631 по царскому указу был пожалован шубой в 140 руб., серебряным золоченым кубком, прибавкой к денежному окладу 15 руб. и к поместному — 1000 четвертей. В 1632–35 — воевода в Астрахани, осенью 1640 — воевода большого полка в Туле, в 1642 и 1645 — воевода «на украине» и в большом полку на Туле. С 1645/46 по 1662/63 руководил приказом Казанского дворца и Сиб. приказом, осуществлял восточную политику гос-ва. В 1661–62 одновременно возглавлял приказ Полковых дел. Участвовал в переговорах с

²³ Там же. Л. 13–15.

²⁴ Там же. Л. 18.

²⁵ Там же. Л. 18.

ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

↳
иностр. послами. В марте 1654, после Переяславской рады, вел в Москве переговоры с посланниками Богдана Хмельницкого, в результате к-рых были подписаны «Статьи» о правах и привилегиях Войска Запорожского и украинских городов. Был пожалован царем Алексеем Михайловичем в «ближние бояре». В апр. 1654 послан воеводой в Брянск. С началом русско-польской войны возглавил рус. войска, взявшие Рославль, Мстиславль, Борисов, Шклов и др. белорус. города. В апр. 1656 отправлен в Новгород руководить походом против шведов в Прибалтику, захватил Юрьев Ливонский (Дерпт). В янв. 1659 послан в Севск для борьбы с «изменником государю» украинским гетманом И. Выговским. Осенью 1659 вел переговоры

мотного, но «горячего». Приверженцы социал-демократического направления составляли, по его оценке, основную часть правления местного общества потребителей. Но большинство населения, особенно сельского, «в политическом отношении развито настолько слабо, что многие не знали не только программы тех или иных партий»²⁶, но их названий. В 1916 г. в Тюкалинске не выходило никаких местных газет, не было даже типографий. Наиболее распространенными изданиями являлись «Биржевые ведомости» и «Речь»²⁷.

Ялуторовский исправник А. И. Стадлер сообщал, что в городе, селах и деревнях течение жизни шло обычным порядком, даже война не внесла никаких изменений в существовавший строй. В уезде «не обнаружилось» ни одной политической партии и каких-либо проявлений противоправительственного направления. По словам исправника, сельское население и рабочие частных предприятий заслуживали полного доверия и были склонны оказать содействие местным административным властям. Духовенство, стоявшее «ближе всех к населению», пользовалось у него «полным авторитетом» и оказывало на людей «благотворное влияние». Все было спокойно и в Ялуторовске. Из числа служащих частных предприятий чиновник выделял не более 3–4 лиц, которые поддерживали столичную оппозицию, но они не высказывали открыто своих взглядов, из чего исправник делал вывод, что «при нормальном стечении жизни они останутся пассивными»²⁸. На полях этого отчета, вероятно, рукой губернатора была сделана пометка: «Слабо».

Еще более «спокойным», с полицейской точки зрения, выглядело «тюкалинское царство». «Как на всей огромной территории Тюкалинского уезда не на чем остановиться глазу, так и среди населения его... нет ни выдающихся людей, ни каких-либо партий, ни течений... ни даже лиц, просто уважаемых населением. Равнина, кругом равнина!», — писал уездный исправник И. Н. Песчанский. По его словам, даже духовенство было здесь откровенно блеклым и потому не пользовалось «ни авторитетом, ни сносной почтительностью». Лишь представители правительственных учреждений «стояли намного выше, но в общественной жизни также не играли никакой роли». Чиновник называл тюкалинцев не иначе как «серой массой». Что касалось отдельных лиц, то он выделял бывшего Кулковского волостного писаря Рожко — крупного землевладельца, имевшего влияние «чисто кулаческого свойства». Еще около 80 немцев-земледельцев были настроены «оппозиционно к правительству, но не пользовались любовью русского населения». Уездный исправник, вероятно писатель в душе, так охарактеризовал возможность поддержки местным населением какого бы то ни было общественного движения в стране: «Тюкалинское болото мягко и тихо покоится в своих берегах и, кажется, нужна сильная буря для того, чтобы хоть слегка всколыхнуть его поверхность»²⁹.

²⁶ Там же. Л. 17.

²⁷ Там же. Л. 16–19.

²⁸ Там же. Л. 6.

²⁹ Там же. Л. 9–12.

Собрав все сведения, губернатор Ордовский-Танаевский сделал вывод, что за последние 12 лет «политическая физиономия губернии почти не изменилась». Сдвиги произошли лишь в Тюмени и Кургане — городах, стоящих на железной дороге. Изменения в других населенных пунктах носили «искусственно привитый характер подражания». Из сообщений исправников о том, что народ относится к войне «с желанием ее скорейшего окончания», начальник губернии заключил, что «общее настроение... в высшей степени патриотическое» и что у населения все сводится к обсуждению победы «во что бы то ни стало».

Оценивая политическую ситуацию в крае, губернатор солидаризовался с мнением исправников, что политических партий с четкими программами здесь не существовало, а имелись лишь отдельные лица и группировки, оппозиционно настроенные к правительству, примыкавшие в основном к «кадетам и редко левее», причем «все они на виду и многие известны» власти. То, что в Государственной Думе Тобольскую губернию представляли трудовики, т. е. левые, губернатор считал «явлением совершенно случайным», объяснимым «отчужденностью населения от всякого политического движения». По его словам, губерния «почти ничего не слышала от своих представителей в Думе в защиту местных интересов», а резкие их выступления по политическим вопросам и с критикой по отношению к правительству не вызвали в населении «ни одобрения, ни сочувствия»³⁰. Начальник губернии полагал, что именно в условиях полного равнодушия населения к политическим программам лицам и группам оппозиционного направления, которые к тому же осуществили свои предвыборные кампании наиболее энергично, было легко проводить в Думу своих единомышленников, многие из которых являлись случайными людьми, не связанными с губернией никакими интересами.

Не было, как утверждал губернатор, в крае и рабочего движения «в буквальном значении этого слова», хотя настроения рабочих чугунно-литейного и механического завода Машарова в Тюмени, механического завода С. А. Балакшина в Кургане и железнодорожников на омской дороге требовали большего внимания к себе со стороны власти. В целом же в губернии «политического брожения было незаметно». Самым спокойным в политическом отношении был город Тара.

Таковой виделась уездным исправникам и губернатору политическая жизнь населения Тобольской губернии в преддверии событий, положивших конец самодержавию.

Вид на Тобольск с Успенской церкви. 1912 г.

ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

с запорожцами, в результате к-рых вновь избранный гетман Ю. Хмельницкий признал власть московского государя. В награду получил права служилого удельного князя с пожалованием «прародительской вотчины города Трубчевска с у.». Лит.: Сказание о роде князей Трубчевских. М., 1891; Соловьев С. М. Соч. Кн. VI. М., 1991. С. 49–50; Власть в Сибири XVI – нач. XX в. Межархивный справочник. Новосибирск, 2002. С. 146–147.

В. В. Коновалов

³⁰ Там же. Л. 37.